

A soldier in a green helmet and a tattered, grey t-shirt with a skull graphic stands in a room. He has his arms crossed and a serious expression. The room is cluttered with wooden furniture and various items. In the bottom right corner, there is a large fire. The overall atmosphere is gritty and somber.

Анатолий Шигапов

**Декрет.
Инструкция по
выживанию для
сапера**

Вне серии

Анатолий Шигапов

**Декрет. Инструкция по
выживанию для сапера**

«Автор»

2026

Шигапов А.

Декрет. Инструкция по выживанию для сапера / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Вне серии)

Если вы думаете, что декрет - это отпуск, вы ни разу не оставались наедине с годовалым ребёнком то вот вам история. Я бывший топ-менеджер, умел управлять людьми и бюджетами. А теперь я управляю кашей, которая летит в стену, подгузниками категории «красный уровень» и переговорами с тещей, которая считает, что шапку нужно надевать при любой температуре ниже +25. Эта книга - мой боевой дневник. Здесь есть всё: тактика «Синий трактор», операция «Эвакуация» (переложить спящего ребёнка, не разбудив) и секретная формула, как выйти из дома за 7 минут, забыв только бутылку с водой. Я прошёл через регресс сна, прорезывание четырёх зубов одновременно и эпидемию в поликлинике. Я выжил. И даже научился получать удовольствие. Если вы сейчас в декрете - эта книга про вас. Если вы только планируете — она спасёт вам жизнь. Или хотя бы чувство юмора. Смешно? Да. Страшно? Иногда. Узнаваемо? Абсолютно.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Декрет. Инструкция по выживанию для сапера

Эта книга – Папам для Пап и о Папах

Тем, кто уходил в декрет, думая, что это отпуск, а обнаружил себя в самом пекле, без карты, без подкрепления, но с огромным запасом терпения, о котором и не подозревал.

Тем, кто открывает баночку с пюре одной рукой, а второй удерживает ребёнка от прыжка с дивана.

Тем, кто в три часа ночи стоит на кухне под звук дождя из телефона и не знает, почему плачет малыш.

Тем, кто научился различать двенадцать видов плача и до сих пор иногда ошибается.

Тем, кто впервые надел слюнявчик задом наперёд и получил замечание от Главногокомандующего песочницы.

Папам, которые не знали, как менять подгузники, а теперь делают это с закрытыми глазами.

Папам, которые боялись тещи, а теперь пьют с ней чай на кухне и обсуждают тактику боевых действий.

Папам, которые случайно научились готовить, стирать, убирать и параллельно играть в конструктор.

Папам, которые выходили из дома за сорок минут, а теперь собирают коляску, ребёнка и рюкзак за семь.

Тем, кто уставал так, что не мог вспомнить своё имя, но никогда не забывал купить подгузники.

Тем, кто смотрел в глаза орущему ребёнку и видел в них не манипуляцию, а крик о помощи.

Тем, кто понял, что быть отцом – это не подвиг. Это просто быть рядом. Каждый день. Даже когда нет сил.

Тем, кто ошибался, записывал ошибки в Красную книгу и продолжал идти дальше.

Тем, кто нашел своих – в парке, в песочнице, в чате «Папы не сдаются». И понял, что вместе легче.

Особенно – папам в декрете. Тем, кто сейчас читает эти строки, пока ребёнок спит, а кофе остывает в кружке. Тем, кто держит на руках сопящее чудо и не знает, как жил без него раньше.

Вы справляетесь. Даже когда кажется, что нет. Вы – герои. Не потому что вы надели маску и спасли мир. А потому что вы каждый день выбираете этот мир – с кашей на стенах, с «Синим трактором» на повторе, с маленьким человеком, который учит вас быть лучше.

Я посвящаю эту книгу своему Мише – за то, что он сказал «Папа». Случайно. Но это засчитывается.

И всем папам, которые однажды услышат это слово. Оно того стоит.

Вы справитесь. Мы справились.

Дорогой читатель.

Если ты держишь эту книгу в руках – значит, ты или сам прошёл через декрет, или готовишься к нему, или просто хочешь понять, что происходит в голове у человека, который уже третий час укачивает ребёнка под «Синего трактора» и не помнит, как его зовут.

Я – тот самый человек. Точнее, его прототип. Глеб – это собирательный образ всех мужчин, которые когда-либо оставались один на один с годовалым ребёнком, с грудой подушек и с чувством, что они ничего не умеют. Я был топ-менеджером, потом стал папой в декрете. И честно скажу: второе оказалось сложнее.

Эта книга начиналась как дневник. Я писал его для себя, чтобы не сойти с ума, чтобы структурировать хаос, чтобы запоминать ошибки и не повторять их. Я писал ночью, когда Миша наконец засыпал. Я писал на кухне, в телефоне, пока каша грелась в микроволновке. Я писал, потому что иначе эти дни, недели, месяцы превратились бы в одно бесконечное «когда же это закончится».

Но однажды я понял: это не закончится. И слава богу.

Потому что именно в этом хаосе, в этих истериках, в этих банках разбитого варенья, в этих бессонных ночах – там, где я меньше всего ожидал – я нашёл себя. Настоящего. Не того, который управлял проектами и носил пиджак. А того, который может открыть пюре одной рукой, успокоить трёх орущих детей одной погремушкой и уснуть на полу, обняв спящего сына.

Эта книга – не инструкция. Не пособие по выживанию. Это просто история. История о том, как взрослый человек, привыкший всё контролировать, понял, что контроль – это иллюзия. История о том, как война с бытом превратилась в мир с жизнью. История о том, как невыносимый, казалось бы, период стал самым лучшим.

Я не знаю, сколько у вас детей – один, двое или трое. Я не знаю, в декрете вы или в офисе, Папа вы или мама, или, может быть, только готовитесь к этому испытанию. Но я знаю одно: вы справитесь. Не потому что вы супергерой. А потому что в вас есть то, что было во мне – упрямство, любовь и способность признавать, что ты ничего не умеешь, и учиться заново.

Декрет – это не отпуск. Это командировка в страну, карту которой никто не выдаёт. Я уехал туда на год, а пробыл, кажется, целую жизнь. И вернулся оттуда другим. Лучше? Не знаю. Но точно настоящим.

Спасибо, что прошли этот путь вместе со мной. Спасибо, что смеялись над моими ошибками, переживали за Мишу, верили, что у нас всё получится. У нас получилось. И у вас получится.

А если будет совсем тяжело – помните: в любой непонятной ситуации включайте «Синий трактор». И всё наладится.

Не сразу. Но наладится.

С теплом,

Анатолий Шигапов

Глава 1. Операция «Преимственность поколений»

Из боевого дневника Глеба:

«Если тебе кажется, что ты всё контролируешь, значит, ты просто ещё недостаточно долго сидишь в декрете. Первая запись делаю на фоне криков «дай-дай-дай» и звука падающей кастрюли. Пока жив. Пока не сломлен. Это не дневник. Это журнал боевых действий».

Разведка боем началась в прошлую пятницу в 21:47. Именно тогда жена – в дальнейшем будем называть её «Центральный штаб» – озвучила вводные.

– Глеб, нам нужно поговорить.

Я тогда сидел за ноутбуком и доделывал отчёт по внедрению ERP-системы для одного из наших региональных филиалов. Цифры сходились, риски были просчитаны, график утверждён. Я чувствовал себя капитаном атомного ледокола, который уверенно ведёт судно через ледяные поля бизнеса. За моей спиной было пятнадцать лет в корпоративном секторе, три года в «горячей точке» управления проектами и чёрный пояс по майнд-мэппингу. Я умел управлять хаосом. Я умел превращать неопределённость в структурированные процессы.

Я не знал ровным счётом ничего.

– Слушаю, – сказал я, не отрываясь от экрана.

– Я выхожу на работу.

Я кивнул. Это не было новостью. Жена – финансовый директор крупного девелопера – брала паузу на полтора года после рождения Миши. Полтора года – это восемнадцать месяцев, пятьсот сорок восемь дней, тринадцать тысяч сто пятьдесят два часа, если считать без перерывов на сон. Большая часть этого времени прошла в режиме «мама-ребёнок-бесконечные-консультации-педиатров-и-ночные-дежурства». Я, как ответственный отец, участвовал в процессе фрагментарно: присутствовал на выписке, менял подгузники в выходные, героически гулял с коляской по часу, пока жена принимала душ. Я был скорее «силами быстрого реагирования», чем постоянным гарнизоном.

– Я решила, что ты возьмёшь декрет.

Тут я оторвался от экрана.

– Прости, что?

– Декрет. Отпуск по уходу за ребёнком до трёх лет. По закону его может оформить любой из родителей. Я зарабатываю больше, ты сейчас на фрилансе, проекты подходят к концу. Логически это единственное разумное решение.

Я закрыл ноутбук медленно, как сапёр, обезвреживающий бомбу, в которой он не уверен.

– Ты предлагаешь мне, мужчине, который управлял бюджетами по двести миллионов, сидеть дома с годовалым ребёнком?

– Я предлагаю тебе, мужчине, который умеет управлять рисками, заняться управлением нашим сыном. Это сложнее, чем бюджеты, поверь.

Я хотел возразить. У меня наготове был целый арсенал аргументов: социальные стереотипы, карьерные перспективы, мужская самооценка, в конце концов, просто отсутствие опыта. Но я посмотрел на неё. Под глазами были круги глубиной Марианской впадины. За последние полтора года она похудела на десять килограммов, хотя раньше сидела на диетах безрезультатно. В её взгляде читалась такая степень усталости, которую я видел только у разведчиков после трёхсуточных рейдов.

– Это временно, – добавила она. – Ты справишься. Ты же у меня умный.

Это была классическая тактическая уловка «подъём самооценки перед приказом». Я её знал, потому что сам так делал с подчинёнными. Но я попался.

– Хорошо, – сказал я. – Давай составим план.

Выдержка из боевого дневника:

«Ключевая ошибка на этом этапе – недооценка противника. Я считал, что раз умею считать риски, то смогу спрогнозировать ситуацию. Я не знал, что риски здесь не просчитываются. Они материализуются из воздуха в момент, когда ты думаешь, что всё идёт по плану».

Подготовка заняла две недели. Я подошёл к процессу с привычной скрупулёзностью.

Сначала я составил SWOT-анализ предстоящей миссии.

Сильные стороны:

Наличие годового запаса пюре и каш (жена закупила на распродаже в «Детском мире», освободив полку в кладовке, где раньше хранились мои инструменты).

Наличие подробной инструкции по режиму дня (распечатана и ламинирована – спасибо жениной педантичности).

Мой опыт работы в условиях многозадачности.

Физическая подготовка (кандидат в мастера спорта по рукопашному бою, теоретически должен помогать).

Слабые стороны:

Полное отсутствие навыка открывания детского пюре одной рукой.

Неспособность определить причину плача по звуку (для меня все детские крики звучали как сирена воздушной тревоги).

Паническая боязнь подгузников категории «сюрприз».

Отсутствие легального способа выйти из дома быстрее чем за сорок минут.

Возможности:

Укрепить связь с ребёнком.

Наконец выучить все слова из песенок «Синий трактор».

Похудеть (по слухам, декрет – это марафон, а не спринт).

Написать мемуары (если выживу).

Угрозы:

Потеря профессиональных навыков.

Деградация речи до уровня «маси-пуси».

Развод (статистика утверждала, что декрет – испытание для брака похлеще ипотеки).

Теща.

Последний пункт я выделил красным, хотя тогда ещё не понимал, насколько пророческим окажется это предчувствие.

Жена провела для меня трёхчасовой инструктаж. Он включал:

– демонстрацию работы с молокоотсосом (я сделал вид, что понял);

– лекцию о температурном режиме смеси (37 градусов, не выше, иначе ферменты, я записал);

– тактику ведения переговоров с ребёнком во время купания;

– карту расположения детских товаров в ближайших магазинах;

– и, самое главное, «Кодекс выживания в песочнице» – свод негласных правил общения с местными мамочками.

– Если кто-то скажет, что Мише холодно, не спорь. Кивай и говори: «Да, вы правы, надо утепляться». Если кто-то скажет, что пора вводить прикорм по-своему, благодари за совет и делай по-нашему. И никогда, слышишь, никогда не обсуждай чужих детей. Это как религия и политика одновременно.

Я кивал, записывал, чувствуя себя агентом под прикрытием, которого забрасывают во враждебный тыл с легендой и явками.

– И ещё, – жена помедлила. – Мама сказала, что приедет помогать. На недельку.

Внутри меня что-то ёкнуло.

– А можно без этого?

– Глеб, ты не справишься один. Никто не справляется один. Это не стыдно. Это реальность.

Я промолчал. Я был уверен, что справлюсь. Я же управлял людьми, процессами, бюджетами. Какой-то годовалый ребёнок – это же просто маленький человек, который ест, спит и ходит в подгузник. Сколько там сложного?

Из сноски аналитика:

«Исследования показывают, что 87% мужчин, впервые уходящих в декрет, испытывают когнитивное искажение, известное как «иллюзия компетентности». Они искренне верят, что их управленческий опыт автоматически транслируется в навыки родительства. Это заблуждение разбивается о реальность в первые сутки, чаще всего между 3 и 5 утра».

День «Д» наступил в понедельник. Жена ушла на работу в 8:30, оставив меня на пороге квартиры с Мишей на руках и с чувством, что меня только что десантировали без парашюта.

– Всё будет хорошо, – сказала она и поцеловала сына в щёку. – Мой хороший, слушайся папу.

Миша посмотрел на неё, потом на меня, потом снова на неё. Ему было четырнадцать месяцев. Он уже умел ходить, но предпочитал ползать, потому что так быстрее. Он умел гово-

рять три слова: «мама», «дай» и «ня-ня-ня» (что означало всё: от еды до обиды на несправедливость мира). Он был похож на маленького, очень требовательного диктатора, который пока не говорил, но уже отдавал приказы взглядом.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём.

– Ну что, боец, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Начинаем операцию «Преимущество поколений». План на сегодня: завтрак, прогулка, обед, сон, вторая прогулка, ужин, купание, отбой. Всё по графику.

Миша посмотрел на меня с выражением, которое я тогда не умел расшифровывать. Сейчас я знаю, что это было: «Ты смешной, Папа. Твой план сгорит в первую же минуту».

Первый час прошёл почти идеально. Я достал из холодильника баночку с кабачком и индейкой (пометка на крышке: «завтрак»), разогрел в специальном подогревателе (техника, кстати, оказалась интуитивной – большой плюс производителю), переложил в тарелку с присоской, чтобы ребёнок не опрокинул. Миша сел в стульчик, взял ложку и...

Начал кидать еду на пол.

Я не растерялся. Я достал вторую ложку, попытался покормить сам. Миша сжал губы так, будто я предлагал ему серную кислоту. Он отвернулся, потом снова посмотрел на тарелку, потом схватил её и перевернул.

Кабачок с индейкой оказался на полу, на стульчике, на Мише и на мне.

– Это была диверсия? – спросил я у сына.

Он улыбнулся. У него было четыре зуба, и улыбка была очень милой. И очень коварной. Я вспомнил, что жена говорила о «педагогическом прикорме» и о том, что «нельзя заставлять». Я достал швабру, начал убирать. Миша тем временем слез со стульчика (как – я не видел, он просто материализовался на полу) и пополз к розетке.

Я бросил швабру, перехватил его за три сантиметра до цели. Он обиженно закричал.

– Дай! – заорал он.

– Нельзя, – сказал я. – Опасно.

Он посмотрел на меня, оценивая серьёзность намерений. Я держал его крепко, но не больно. Он сделал выводы и переключился на следующий объект: мой ноутбук, который я по привычке оставил на диване.

Я снова перехватил.

– Дай! – крик перешёл в ультразвук.

– Нельзя, – повторил я.

Мы смотрели друг на друга. Я видел в его глазах твёрдую решимость. Он видел в моих – нарастающую панику.

Мы разошлись миром только после того, как я предложил альтернативу: погремушку в виде жирафа. Миша взял жирафа, облил его голову и закинул под шкаф. Потом заплакал, потому что жираф пропал.

– Ты сам его закинул, – объяснил я.

Это не имело значения.

Я достал жирафа из-под шкафа с помощью линейки и пылесоса (способ изобрёл на месте, оценил свою смекалку). Миша выхватил жирафа, облил снова и бросил опять, теперь уже в другую сторону.

К этому моменту я понял две вещи.

Первая: этот маленький человек – не противник. Он – стихийное бедствие.

Вторая: у меня нет плана.

Из боевого дневника:

«10:15. Завтрак не засчитан. Потери: одна тарелка (уцелела), пол-банки пюре, моя футболка, полотенце, нервные клетки. Противник демонстрирует высокую маневренность и

полное пренебрежение к логистике. Перехожу к пункту «прогулка». Надеюсь, на свежем воздухе он успокоится. Надежда – это плохая тактика, но другой у меня пока нет».

Сборы на прогулку заняли сорок семь минут.

Я открыл шкаф с детской одеждой и понял, что не ориентируюсь в ассортименте. Что надевать, если на улице +12? Комбинезон? Куртку? Шапку? Жена оставила схему, но Миша успел стащить её и, судя по следам слюны на бумаге, частично съесть.

Я позвонил жене. Она не ответила – совещание. Я написал в мессенджер: «Что надеть?». Ответ пришёл через десять минут: «Смотри по погоде». Это было бесполезно.

Я выбрал компромисс: флисовый комбинезон и шапку. Надевать это на ребёнка, который извивается, как уж на сковородке, оказалось задачей, требующей навыков циркового акробата. Одна нога попала в штанину, вторая – нет. Я перехватил, засунул вторую. Миша выдернул первую.

– Дай! – потребовал он, имея в виду, видимо, свободу передвижения.

– Сейчас, сейчас, – бормотал я, чувствуя, как пот заливает глаза.

Через двадцать минут ребёнок был одет. Я тоже. Я взял коляску, ключи, телефон, пакет с запасным подгузником и влажными салфетками (жена учила: «всегда бери с собой, даже если выходишь на пять минут»). Мы вышли в подъезд.

Миша посмотрел на лифт, потом на меня, потом издал такой крик, что у соседей снизу, наверное, лопнула кружка.

– Не любит лифт? – спросил я у пустоты.

Оказалось, не любит. Истерика в лифте – это особый вид акустического оружия. В замкнутом пространстве децибелы умножаются на площадь. Мои перепонки вибрировали в такт детскому отчаянию. Я нажал кнопку первого этажа и молился, чтобы лифт не остановился на промежуточных.

Не остановился. Мы вылетели на улицу, и Миша мгновенно замолчал. Как будто ничего не было.

Я выдохнул. Я выжил. Первая половина дня почти позади.

Я катил коляску к парку, чувствуя себя победителем. Я справился с завтраком (условно), с одеванием (с натяжкой), с лифтом (ценой потери слуха). В парке было тихо, солнечно, другие мамы сидели на лавочках с видом людей, которые прошли Ад и теперь наслаждаются Раем. Я выбрал свободную скамейку, сел, достал телефон, чтобы сделать победное селфи для жены.

В этот момент Миша заорал снова.

Я подошёл к коляске. Он сидел, пристёгнутый пятиточечными ремнями, и смотрел на меня с выражением смертельной обиды.

– Что? – спросил я. – Что не так?

Он протянул руку в сторону песочницы, где играли другие дети.

– Хочешь в песочницу? – уточнил я.

Он не ответил. Он просто орал, пока я не отстегнул его и не поставил на землю. Он тут же пополз к песочнице. Я пошёл следом, чувствуя на себе взгляды мамочек.

– Ой, какой активный! – сказала одна из них, блондинка в дорогом спортивном костюме.

– А вы Папа? Редкость у нас, папы в песочнице.

– В декрете, – сказал я, стараясь звучать гордо. – Жена работает.

– О-о-о, – протянула она. – Молодец какой. А с какого возраста?

– С сегодняшнего, – честно ответил я.

Она засмеялась. Я не понял, над чем. Миша тем временем добрался до песочницы, схватил чужой совок и засунул в рот.

– Нет! – я выдернул совок, отдал владелице – девочке лет трёх, которая смотрела на Мишу с ужасом. – Извините.

– Ничего страшного, – сказала мама девочки. – Они все в этом возрасте такие. Вы главное следите, чтобы песок не ел. У нас тут были случаи.

– Песок нельзя, – сказал я Мише твёрдым голосом.

Миша посмотрел на меня, зачерпнул горсть песка и отправил в рот.

– Нельзя! – я выгреб песок пальцами. Он закашлялся, заплакал, попытался зачерпнуть снова.

Мамочки смотрели. Я чувствовал себя дрессировщиком, у которого тигр только что съел кнут.

– Вы ему игрушку дайте, – посоветовала блондинка. – Отвлеките.

Я полез в карман, нащупал жирафа. Протянул Мише. Он взял, облизал, бросил. Потом снова потянулся к песку.

– Дай! – потребовал он.

– Песок нельзя, – повторил я, теряя уверенность.

– ДАЙ! – крик перешёл в ультразвук.

Я взял его на руки. Он выгнулся дугой, как лук перед выстрелом. Голова запрокинулась, ноги забились. Я держал его, боясь уронить, и чувствовал, как всё внутри меня сжимается от бессилия.

– Это у них кризис года, – сказала мама девочки сочувственно. – У нас тоже было. Пройдёт.

– Когда? – спросил я.

– К полутора, – ответила она.

У меня внутри что-то щёлкнуло. Полутора – это ещё четыре месяца. Сто двадцать дней. Две тысячи восемьсот семьдесят часов. Если каждый час будет таким...

Я посадил Мишу в коляску. Он орал всю дорогу до дома. Я катил коляску и думал, что за пятнадцать лет в управлении рисками я не сталкивался с ситуацией, где риски невозможно ни минимизировать, ни спрогнозировать. Ты просто идёшь по минному полю и надеешься, что следующая истерика начнётся не в лифте.

Дома Миша уснул прямо в коляске. Я не стал его переключивать, потому что боялся разбудить. Я сидел на корточках рядом с коляской, смотрел на его спокойное лицо, на прилипшие к щеке песчинки, и чувствовал, что прошёл только первый круг ада. А их, по слухам, девять.

Из боевого дневника:

«15:30. Противник нейтрализован сном. Использую паузу для пополнения запасов кофеина и анализа ситуации. Предварительные выводы: 1) план «Каша» требует немедленной переработки; 2) моя квалификация в области управления не просто бесполезна, она опасна – я продолжаю мыслить категориями «задача-решение», тогда как здесь работает только «реакция-адаптация»; 3) теща приезжает послезавтра. Пункт 3 вызывает наибольшие опасения. Это будет не просто помощь. Это будет вторжение союзных войск на мою территорию. Нужно готовиться».

Зазвонил телефон. Жена.

– Как прошёл первый день? – спросила она.

Я хотел сказать: «Ужасно. Я ничего не умею. Ребёнок меня не слушается, я не понимаю его, я чувствую себя идиотом в песочнице, и у меня нет никакого плана».

Я сказал:

– Всё под контролем. Идём по графику.

Она поверила. Я сам почти поверил.

А потом Миша проснулся.

Глава 2. Форс-мажор обстоятельств

Из боевого дневника Глеба:

«Сон – это не роскошь. Сон – это стратегический ресурс. Когда его запасы истощаются, организм переходит в режим энергосбережения: отключаются не жизненно важные функции, такие как чувство юмора, способность связно говорить и адекватно оценивать, что ты делаешь в три часа ночи перед экраном с видосом про дождь. Запись сделана в состоянии, близком к клинической смерти. Если найду этот дневник утром и пойму, что здесь написано, – значит, я выжил».

Дневной сон Миши длился сорок три минуты.

Я успел выпить кофе, протереть пятна кабачка с пола, найти под шкафом второго жирафа (оказалось, их было два, и Миша методично уничтожал популяцию), а также открыть ноутбук и уставиться в пустой экран с мыслью «что я вообще хотел здесь сделать?».

Потом из комнаты раздался звук. Не плач. Это было нечто иное: сначала кряхтение, потом поворот, потом радостное «А-а-а!» – то самое «а», которое означает «я проснулся, и мир снова мой, идите сюда все».

Я вошёл в комнату. Миша стоял в кровати, держась за бортик, и улыбался мне так, будто мы не пережили три часа ада в песочнице, а весело провели время в парке аттракционов. Его улыбка была беззубой (в прямом смысле – четыре зуба, остальное дёсны) и абсолютно искренней. В ней не было ни капли злорадства. Только чистая радость от того, что он видит папу.

– Привет, боец, – сказал я, чувствуя, как что-то внутри меня оттаивает. – Выспался?

Он протянул руки. Я взял его на руки, и он уткнулся носом мне в шею. От него пахло сном, детским шампунем и чем-то ещё неуловимо родным.

В этот момент я подумал: «Может, не так всё страшно».

Это была вторая ошибка за день. Первая – иллюзия компетентности. Вторая – иллюзия того, что ребёнок даст тебе передышку.

Вторая половина дня прошла по сценарию «тихий ужас». Я уже знал, что после сна Мише нужен полдник. Жена оставила чёткую инструкцию: «15:30 – творожок «Агуша» (не реклама) без добавок, 50 мл воды». Я достал творожок, открыл (одной рукой, второй держа Мишу – прогресс налицо), посадил в стульчик.

На этот раз творожок не полетел на пол. Миша съел его с интересом, а потом начал тыкать ложкой в мою сторону, предлагая покормить и меня.

– Спасибо, я сыт, – сказал я.

Он обиделся. Не сильно, так, для профилактики. Потом слез со стульчика и начал исследовать кухню. Я смотрел и учился. Он открывал ящики, которые я не предусмотрительно закрыл на фиксаторы. Он доставал кастрюли, сковородки, крышки. Он создавал шум, который, наверное, был слышен на первом этаже. Но он был занят. Он не плакал. Он не лез в розетку. Он осваивал территорию.

«Пусть гремит», – решил я. – «Главное, чтобы в пределах видимости».

Я сел на пол рядом с ним и стал наблюдать. Миша выстроил кастрюли в ряд, сел перед ними и начал что-то бормотать на своём. Это был серьёзный разговор. Он обсуждал с кастрюлями важные вопросы. Я чувствовал себя лишним.

Потом он встал, пошатнулся, схватился за мою голову для опоры, дёрнул за волосы. Я зашипел. Он засмеялся.

– Больно, – сказал я.

Он посмотрел на меня с интересом, как учёный, изучающий реакцию подопытного, и снова дёрнул.

– Нет, – я мягко убрал его руку.

Он нахмурился, подумал и полез целоваться. Это была его тактика: если нельзя дёрнуть за волосы, то можно облизать лицо. Я подставил щёку. Он оставил на ней мокрый след и довольно улыбнулся.

В этот момент я подумал, что, возможно, мы находим общий язык. Я даже начал строить планы на вечер: поужинаем, искупаем, почитаем книжку, и в 21:00 – отбой. Жена обещала прийти к восьми, и мы даже могли бы посидеть вдвоём.

Я не знал, что вечер будет не тем, чем кажется. Что отбой состоится не в 21:00, и не в 22:00, и не в 23:00. Что я познакомлюсь с таким явлением, как «цикл боевого дежурства», и что к трём часам ночи буду сидеть в темноте с телефоном, на котором играет музыка для колыбельных с дождём, и смотреть на спящего ребёнка с чувством пилота, который только что посадил самолёт на крышу.

Но пока я этого не знал. Пока я наслаждался относительным затишьем.

Из сноски аналитика:

«Относительное затишье в декрете – это период от 15 до 45 минут, когда ребёнок занят безопасной деятельностью, не требует немедленного вмешательства и не создаёт угрозы для жизни и имущества. Опытные родители используют это время для восстановления ресурсов. Новички, как правило, тратят его на построение иллюзорных планов, которые будут разрушены при первой же смене фазы активности ребёнка».

В 18:30 пришла жена.

Я услышал ключ в замке и испытал чувство, которое раньше называл «смена караула». В моей предыдущей жизни так встречали сменщика на ночном посту. Ты держался, ты выстоял, теперь можно передать пост и выдохнуть.

– Привет, герой! – сказала она, заходя в прихожую. – Как вы тут?

Она выглядела уставшей, но довольной. Первый рабочий день после декрета – это тоже стресс. Но она держалась. Мы обменялись быстрым поцелуем, и Миша, увидев маму, издал такой радостный визг, что у меня заложило уши.

– Ма-ма! – закричал он, бросая кастрюлю и ползя к ней со скоростью звука. – Ма-ма-ма-ма!

Я почувствовал укол ревности. Целый день я был с ним, вытаскивал песок изо рта, ловил у розетки, кормил творожком, а он сказал «Мама». Не «Папа». «Мама». Справедливо, но обидно.

– Как прошло? – спросила жена, подхватывая Мишу на руки.

– Всё по плану, – сказал я. – Завтрак, прогулка, обед, сон, полдник.

– Творожок съел?

– Весь.

– Молодец. А в песочнице как?

Я собрался рассказать про песок, про совок, про мамочек. Но вместо этого сказал:

– Нормально. Познакомились с местными.

Она посмотрела на меня с лёгким подозрением, но ничего не сказала. Она была слишком уставшей, чтобы допрашивать. Она прошла на кухню, посадила Мишу в стульчик, начала разогревать ужин. Я стоял в дверях и чувствовал себя лишним. Там, где появлялась мама, Папа становился наблюдателем. Это не было обидно. Это было естественно. Но непривычно.

– Ты сегодня спишь в гостевой, – сказала она. – Тебе завтра рано вставать.

– А Миша?

– Миша со мной. Ты выспишься перед вторым днём.

Я хотел возразить, сказать, что я в форме, что я справлюсь, что не надо меня жалеть. Но внутри меня что-то согласно закивало. Один день я выдержал. Но я чувствовал, что ресурс на исходе.

– Хорошо, – сказал я. – Но если что, зови.

Она улыбнулась. Миша запустил в неё кусочком брокколи. Она поймала на лету. Я понял, что мне ещё учиться и учиться.

В 21:00 я лёг в гостевой. Тишина. Темнота. Кровать без бортиков, без погремушек, без риска наступить на деталь от конструктора. Я вытянулся, закрыл глаза и почувствовал, как тело начинает отключаться. Каждая мышца, каждый сустав благодарно расслабились. Я провалился в сон, как в тёплое озеро.

И тут из спальни раздался крик.

Я открыл глаза. 22:15. Я проспал час пятнадцать. Этого достаточно, чтобы считать себя выспавшимся? Нет. Но достаточно, чтобы понять, что сейчас произойдёт что-то нехорошее.

Крик не прекращался. Он нарастал, затихал, снова нарастал. Это был не тот плач, когда ребёнок хочет есть или мокрый. Это был плач «что-то не так, и я не могу это объяснить, поэтому я буду орать, пока вы не догадаетесь».

Я встал, пошёл в спальню. Жена сидела на кровати, держа Мишу на руках, и выглядела растерянной.

– Не знаю, что с ним, – сказала она. – Проснулся и орёт. Живот мягкий, температура нормальная, зубы вроде не лезут.

– Может, кошмар приснился? – предположил я.

– В год? Вряд ли.

Миша орал, извиваясь, не желая брать грудь, не желая воду, не желая укачивания. Он просто орал. Я взял его на руки. Он выгнулся, зашёлся в новом витке.

– Дай-дай-дай! – кричал он, но что именно «дай», было непонятно.

Мы с женой переглянулись. В её глазах читалась усталость многомесячной войны. В моих, наверное, паника.

– Давай я с ним посижу, – сказал я. – Ты спи.

– Но тебе завтра...

– Я посплю днём. Отдыхай.

Она колебалась секунду, потом кивнула. Сказала «спасибо» и рухнула на подушку, даже не сняв халат. Я вышел с Мишей в коридор.

Мы остались вдвоём в темноте. Он орал. Я ходил кругами, пытаюсь вспомнить всё, чему учила жена. Менять положение? Попробовал столбиком – не помогло. Покачать? Качал – орал громче. Спеть? Я затаил было «Спят усталые игрушки», но на втором куплете сбился и понял, что не помню слов дальше.

– ДАЙ! – орал Миша.

– Что дать? – спросил я. – Что?

Он не ответил. Он просто орал.

Я зашёл на кухню, включил свет. Миша зажмурился, на секунду замолк, а потом заорал с новой силой. Я выключил свет. Тишина? Нет. Он орал в темноте. Я включил ночник. Не помогло.

Я сел на пол, прислонившись спиной к холодильнику, и положил Мишу на колени животом вниз. Иногда это помогало при коликах, но колики в год – редкий зверь. Миша дрыгал ногами, колотил меня рукой по груди и орал.

В какой-то момент я понял, что он не успокоится. Что я не знаю, что делать. Что все мои навыки управления, планирования, анализа бесполезны перед лицом маленького человека, который просто хочет выразить своё недовольство миром.

Я взял телефон. Набрал в поиске: «ребёнок год плачет ночью не успокаивается». Выпало сто тысяч результатов. Я начал читать. Кризис первого года, скачок развития, регресс сна, прорезывание коренных зубов, перевозбуждение, неврология. Вариантов было много, но ни один не давал инструкции «сделай это – и он замолчит».

Я открыл рутюб. Набрал «музыка для сна для детей». Первый ролик: «Колыбельные с дождём, 8 часов». Нажал произвести.

Из динамика полился звук дождя и тихая мелодия. Я положил Мишу на плечо, прижал к себе, и мы стали ходить по кухне кругами. Дождь шёл. Мы шли. Он орал. Я смотрел на экран телефона, где шли часы: 23:15, 23:30, 23:45.

В 23:50 он замолк.

Не сразу. Сначала крик стал тише, перешёл во всхлипы, потом в сопение. Он обмяк на моём плече, ручка безвольно свесилась, дыхание выровнялось. Я замер. Я боялся пошевелиться, боялся дышать, боялся, что любой звук разрушит это хрупкое затишье.

Я стоял на кухне в темноте, под звук дождя из телефона, и чувствовал, как адреналин уходит, оставляя после себя пустоту. Ноги дрожали. Спина болела. Глаза слипались.

Я простоял так пятнадцать минут. Потом ещё пять. Потом, убедившись, что Миша спит глубоко, медленно, как сапёр на минном поле, перешёл в спальню. Жена спала, раскинувшись на кровати. Я аккуратно, сантиметр за сантиметром, опустил Мишу в кроватку.

Он дёрнулся.

Моё сердце остановилось.

Он повернул голову, вздохнул и затих.

Я выдохнул. Я стоял над кроваткой, смотрел на сына и чувствовал, что только что совершил подвиг. Не героический, не заметный миру, но для меня – самый важный.

Я вернулся на кухню, сел на тот же пол, прислонился к холодильнику и посмотрел на часы. 00:15. Первый цикл завершён. Я закрыл глаза.

И тут из спальни раздался крик.

Из боевого дневника:

«00:16. Противник восстановил активность. Причина не установлена. Мои ресурсы на нуле. Ввожу понятие «Цикл боевого дежурства»: 15 минут сна – это не отдых, это перезагрузка системы, достаточная для того, чтобы продолжить функционировать. Долгосрочные прогнозы невозможны. Тактика: действовать по обстановке, использовать любую возможность для восстановления, даже если эта возможность – две минуты сидячего сна на кухне. Главное – не отключаться полностью, иначе ты пропустишь момент, когда противник решит проверить, как работает шкаф с посудой».

Второй подход к укладыванию занял ещё час. Я перепробовал всё: укачивание на руках, укачивание в коляске по квартире, колыбельные, белый шум, воду, еду, мультик про Синий трактор на минимальной громкости. Миша засыпал на пять-десять минут и просыпался снова. Он был как ёжик, который никак не мог свернуться в клубок.

К двум часам ночи я перестал чувствовать время. Оно превратилось в резиновую ленту, которая растягивалась и сжималась без всякой логики. Я сидел на диване в гостиной, Миша лежал у меня на груди, сопел и иногда вздрагивал. Я боялся шевелиться. Я смотрел в потолок и думал.

Я думал о том, что двадцать лет назад я бегал по полигонам, спал в окопах, просыпался от взрывов учебных гранат и считал это тяжёлым испытанием. Я думал о том, как управлял проектами, где срывы сроков грозили миллионными штрафами, и считал это стрессом. Я думал о том, как вёл переговоры с жесткими оппонентами, где каждое слово могло стоить сделки, и считал это вызовом.

Я ничего не знал о настоящем вызове. Настоящий вызов – это когда от твоих действий зависит не судьба контракта или проекта, а спокойствие маленького человека, который не может сказать, что у него болит. Настоящий вызов – это когда ты не спишь третьи сутки (ладно, вторые, но кажется, что третьи) и должен сохранять спокойствие, потому что ребёнок чувствует твою панику и отвечает на неё своей. Настоящий вызов – это когда ты понимаешь, что не контролируешь ничего, и единственное, что ты можешь, – это быть рядом.

В 2:45 Миша заснул. По-настоящему. Глубоко. Я ждал десять минут, потом переложил его в кроватку. Он даже не пошевелился.

Я вернулся в гостевую, лёг на кровать и понял, что не могу уснуть. Тело требовало отдыха, но мозг крутился, как заведённый. Я прокручивал в голове вечер, искал ошибки, строил планы на завтра, придумывал систему. Ничего не получалось. Каждый план разбивался о простую истину: Миша не подчиняется планам.

В 3:15 я сдался. Я встал, пошёл на кухню, налил себе воды. Проходя мимо спальни, заглянул – Миша спал, жена спала. Тишина.

Я сел на кухне, включил телефон. Открыл тот самый ролик с дождём. Дождь шёл. Я смотрел на экран, где шли часы, и чувствовал, что нахожусь в какой-то параллельной реальности. Я, человек, который привык всё контролировать, сижу в три часа ночи на кухне, слушаю звуки дождя и думаю о том, как пережить завтрашний день.

Я вспомнил фразу из старого армейского учебника: «Если вы не знаете, что делать, делайте то, что должны». Что я должен? Я должен быть отцом. Даже если я не выспался. Даже если я не знаю, почему ребёнок плачет. Даже если я чувствую себя пилотом, который посадил самолёт на крышу – технически приземлился, но непонятно, как взлететь дальше.

Я должен быть здесь. Это единственное, что я знал точно.

В 4:00 я провалился в сон прямо на кухне, положив голову на сложенные руки. Спал я, кажется, минут сорок. Потом Миша проснулся снова, но это уже была не истерика, а обычное «хочу есть». Жена встала, покормила, уложила. Я спал, не слыша ничего.

Утром я проснулся от запаха кофе. На часах было 8:30. Я чувствовал себя разобранным, разбитым, но живым. Я зашёл на кухню. Жена сидела с Мишей, который с аппетитом уплетал кашу.

– Доброе утро, – сказала она. – Как спалось?

– Как в окопе под обстрелом, – честно ответил я.

Она улыбнулась. Не насмешливо, а с пониманием. Она знала. Она прошла через это сто раз.

– Сегодня будет легче, – сказала она.

– Правда?

– Нет, – она покачала головой. – Но ты привыкнешь.

Я сел за стол, взял кружку с кофе и посмотрел на Мишу. Он поймал мой взгляд, улыбнулся и протянул ложку с кашей в мою сторону.

– Па-па? – сказал он.

Моё сердце пропустило удар. Вчера он говорил «мама» сто раз. «Папа» не было ни разу. А сегодня, после бессонной ночи, после того, как я ползал с ним по кухне под дождь из телефона, он сказал «Папа».

– Да, – сказал я, чувствуя, как к глазам подступает что-то влажное. – Папа.

Он протянул ложку дальше, почти уткнув мне в нос.

Я взял. Каша была тёплой и противной на вкус. Но это была лучшая каша в моей жизни.

Из боевого дневника:

«08:45. Получено первое подтверждение успешной идентификации. Противник признал меня как своего. Цена вопроса: бессонная ночь, боль в спине, потерянные нервные клетки. Инвестиция окутилась. Запись сделана под звук детского смеха. Это лучший звук на свете. Даже лучше, чем тишина. Продолжаем операцию. Следующая цель: освоить тактику дневного сна, чтобы не умереть раньше времени. Теща приезжает завтра. Но это потом. Сейчас – каша. И кофе. Много кофе».

Глава 3. Уязвимость тылового обеспечения

Из боевого дневника Глеба:

«В любой боевой операции логистика решает всё. Ты можешь быть гениальным стратегом, но если у тебя закончились патроны (читай: влажные салфетки) или нарушена связь с

тьлом (читай: не отвечаешь теще в мессенджере), операция провалится. Запись делаю после успешного отражения атаки «зеленый светфор». Боеприпасы израсходованы нерационально. Требуется пересмотр норм закладки подгузников».

День второй начался с того, что я проснулся не от будильника, а от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Открыл глаза – Миша стоял рядом с кроватью в гостевой, держась за край матраса, и изучал моё лицо с выражением маленького инквизитора. Рядом никого не было. Жена, видимо, ушла на работу, оставив сына исследовать квартиру.

– Как ты выбрался из кровати? – спросил я.

В ответ он радостно хлопнул меня по носу. Вопрос остался без ответа. Я решил, что некоторые тайны этого мира мне не постичь, и переключился на насущное: где подгузник? Я пощупал – сухо. Значит, есть время на кофе.

Я поднялся, подхватил Мишу на руки, и мы отправились на кухню. По пути я обнаружил, что квартира выглядит так, будто здесь прошёл ураган «Малыш». Кастрюли из вчерашнего ряда стояли на месте, но к ним добавились разбросанные носки, погремушки, книжки и, кажется, один носок в миске с водой для цветов. Я сделал мысленную пометку: «Ввести режим “чистота – залог победы”». Потом посмотрел на Мишу, который уже тянулся к розетке, и понял, что до режима сегодня не добраться.

Кофе я варил одной рукой, второй удерживая Мишу. Он вертелся, пытался достать до кнопок кофемашины и издавал звуки, похожие на запуск космического корабля. Я научился балансировать: чашка, молоко, ложка – всё одной левой, пока правой держу диверсанта. Кофе вышел крепким, но пролитым на столешницу. Я решил, что это не потеря, а дезинфекция поверхности.

И тут в телефоне завибрировало сообщение.

Я посмотрел: теща.

«Доброе утро, Глебушка! Как мой внучок? Я уже собралась, завтра буду к обеду. Какие любимые пюре у Мишеньки? Купить что-то по дороге?»

Я перечитал сообщение трижды. «Глебушка» – это был тревожный звоночек. Так она называла меня только в двух случаях: либо когда хотела что-то получить, либо когда готовилась к длительной осаде. В сочетании с «завтра буду к обеду» это пахло не просто визитом, а полноценной высадкой десанта с прицелом на долгосрочную оккупацию.

Миша тем временем предпринял новую попытку добраться до розетки. Я перехватил его, посадил на пол и выдал погремушку-жирафа (первого, того, который не под шкафом). Жираф был облизан и заброшен в сторону дивана за три секунды. Миша пополз к шкафу с обувью.

Мне нужно было ответить теще. Одновременно удержать ребёнка от поедания обувной щётки. И, в идеале, позавтракать.

Я схватил телефон, набрал одной рукой: «Спасибо, всё есть. Ждём». Кратко, по-военному. Никаких «Глебушек», никаких подробностей. Чем меньше информации, тем меньше поводов для контроля. Это была моя первая тактическая победа в переписке с тещей. Я потом пойму, что она расценила это как слабость и приехала с тремя сумками «нужного», которые мы не просили. Но пока я был горд.

Миша добрался до обувного шкафа и с победным криком вытащил мой кроссовок. Он смотрел на него с таким видом, будто нашёл сокровище Тутанхамона. Я не стал отбирать. Кроссовок – это безопасно. Гораздо безопаснее, чем розетка или щётка.

Я допил кофе, чувствуя себя ветераном, который выиграл бой на два фронта: ответ теще и спасение ребёнка от удара током. Но я забыл про третий фронт.

Из кухни раздался звук. Тот самый звук, который жена называла «сигналом SOS». Я обернулся – Миша стоял посреди коридора, держась за шкаф, и его лицо выражало одновременно удивление и сосредоточенность. Кроссовок валялся рядом. Всё остальное было... в подгузнике.

– Только не это, – сказал я.

Он посмотрел на меня с невинным видом и выдал: «А-а-а!» – что в данном контексте, вероятно, означало: «Папа, тут такое дело...».

Из сноски аналитика:

«Согласно неофициальной статистике, 73% отцов в декрете проходят «обкатку» первой крупной диверсии в подгузнике на второй-третий день самостоятельного дежурства. Это своеобразный экзамен на прочность. Те, кто его не проходят, либо сбегают в офис, либо навсегда делегируют эту функцию жене. Те, кто проходят, получают допуск к следующему уровню – «полная герметизация объекта»».

Я стоял перед выбором: либо я сейчас же занимаюсь подгузником, либо через пять минут всё это окажется на полу, на шкафу, на Мише и, вероятно, на мне. Вариант «подождать жену» отпадал – она вернётся только вечером.

Я глубоко вздохнул. В армейской подготовке не было курса «Обращение с биологическими отходами категории А». В бизнес-школе не читали лекций «Тайм-менеджмент при форс-мажоре на пеленальном столике». Я был один, без подкрепления, с минимальным запасом влажных салфеток и полным отсутствием моральной готовности.

– Операция «Чистое небо», – сказал я себе и Мише. – Начали.

Я подхватил его на руки, стараясь не менять угол наклона. Это было похоже на транспортировку бомбы с химическим зарядом. Мы переместились в ванную, где находился пеленальный столик. Я положил Мишу на столик, и он, почувствовав подвох, начал выгибаться.

– Лежи, боец, – сказал я. – Это временные трудности.

Я расстегнул подгузник. То, что я увидел, заставило меня мысленно пересмотреть классификацию угроз. Жена предупреждала, что бывает по-разному. Но она не говорила, что бывает ВОТ ТАК.

Я назвал это состояние «Красный уровень: полная герметизация объекта». Подгузник, который ещё минуту назад был белым, превратился в произведение абстрактного экспрессионизма, где цвета варьировались от охры до шоколадного. Более того, содержимое стремилось выйти за пределы выделенной зоны.

– Дай! – потребовал Миша, пытаясь дотянуться до себя рукой.

– Нет! – я перехватил его руку. – Это не игрушка.

Он обиделся. Он начал плакать. Он начал выгибаться с удвоенной силой. Я оказался в ситуации, когда одной рукой я держу ребёнка, чтобы он не испачкался, а второй пытаюсь открыть влажные салфетки. Салфетки, как назло, были в новой упаковке с защитной наклейкой, которую невозможно открыть одной рукой. Я попробовал зубами. Наклейка поддалась, но салфетки выскользнули и упали на пол.

– Чёрт, – сказал я.

Миша замер. Он услышал новое слово. Я понял, что сделал ошибку. Теперь он будет повторять «чёрт» в самый неподходящий момент, скорее всего, при теще.

Я нагнулся, поднял салфетки, вытащил одну, начал процесс. Миша извивался, как уж на сковородке, и плакал. Я действовал быстро, но тщательно. Это было похоже на разминирование: одно неверное движение – и взрыв.

Спустя семь минут (я потом засекал время) операция была завершена. Чистый подгузник, чистый ребёнок, чистый пеленальный столик. Запах, однако, остался. Я открыл окно в ванной, включил вытяжку.

Миша, уже чистый и довольный, сидел на полу в коридоре и с интересом наблюдал, как я завязываю использованный подгузник в пакет. Я завязал его так, как завязывают вещмешок перед марш-броском: намертво, с тремя узлами, чтобы ни одна молекула не просочилась.

Я выдохнул. Я выжил. Я прошёл экзамен.

Я взял телефон, чтобы отметить в дневнике первое успешное отражение диверсии. На экране висело новое сообщение от тещи:

«Глебушка, я забыла спросить: а ты умеешь менять подгузники? А то доченька говорила, что ты пока только учишься. Я приеду и всё покажу, не переживай».

Я закрыл глаза. Я чувствовал, как где-то в глубине сознания зарождается новая категория угроз, более страшная, чем «красный уровень».

«Угроза «Тёща»: психологическая операция, направленная на подрыв боевого духа».

Я набрал ответ: «Умею. Всё под контролем».

Отправил. Миша тем временем снова подполз к обувному шкафу и вытащил второй кроссовок. Теперь у него была пара. Он сидел, держал кроссовки и улыбался.

– Ты это специально? – спросил я.

Он кивнул. Нет, он не умел кивать. Но мне показалось, что кивнул.

Вторая половина дня стала временем отработки навыков многозадачности. Я понял, что главная проблема не в том, чтобы делать несколько дел сразу. Главная проблема в том, что эти дела требуют разного количества рук, а у меня их две. И одна из них всегда занята ребёнком.

Инцидент с пюре.

Я решил, что пора обедать. Миша сидел в стульчике, голодный и нетерпеливый. Я открыл баночку с индейкой и брокколи – той самой, которая вчера ушла на дезинфекцию пола. На этот раз я был готов. Я поставил тарелку на присоске, положил ложку.

Миша взял ложку, зачерпнул пюре, поднёс ко рту, промазал мимо, и пюре оказалось на подбородке, на стульчике, на полу. Вторая ложка – аналогично. Третья – он решил, что ложка – это скучно, и запустил руку в тарелку. Пюре оказалось на руке, на стульчике, на полу, на мне.

Я понял, что кормить его самого бесполезно. Надо кормить самому. Но как только я взял свою ложку, Миша сжал губы и отвернулся. Я попытался аккуратно поднести ложку – он закричал. Я попробовал отвлечь погремушкой – он выбил ложку. Пюре полетело в стену.

– Это был выстрел? – спросил я.

Миша засмеялся. Он был в восторге. Я посмотрел на стену, на себя, на ребёнка, на остатки пюре в тарелке. У меня было три варианта: а) сдаться и достать смесь из бутылочки; б) продолжать попытки, рискуя получить пюре в глаз; в) применить тактику «отвлечение и маскировка».

Я выбрал третье.

Я включил на телефоне «Синий трактор». Миша замер, уставившись на экран. В этот момент я, как диверсант, зачерпнул ложку и отправил её в открытый рот. Миша, не отрываясь от трактора, проглотил. Я сделал второй заход. Третий. Четвёртый.

За три минуты, пока трактор пел про «еду далёко и надолго», тарелка опустела.

Я выключил телефон. Миша моргнул, посмотрел на пустую тарелку, потом на меня, потом начал орать, требуя добавки. Но добавки не было. Он орал, пока я не дал ему яблочное пюре в мягкой упаковке. Он сжал упаковку, и пюре брызнуло на меня, на него, на стул.

Я понял, что проиграл этот бой. Но войну я ещё не проиграл.

Из боевого дневника:

«14:30. Обед завершён. Потери: одна футболка (утилизирована), одна пара носков (отправлена в стирку), стена в кухне (требует косметического ремонта). Трофей: съеденная порция брокколи с индейкой, опыт использования анимации как средства управления огнём. Вывод: «Синий трактор» – это наше всё. Запись сделана под звук отрыжки и довольного сопения. Жив полон. Дух крепок».

К трём часам дня я чувствовал себя выжатым. Я мечтал о том, чтобы Миша заснул. Но он не спал. Он носился по квартире, открывал ящики, разбрасывал носки, пытался залезть на подоконник. Я ловил его, оттаскивал, давал игрушки, убирал опасные предметы. Это напоминало игру в «крокодила», где крокодилом был Миша, а я – ничего не подозревающим туристом.

В 15:30 я вспомнил про дневной сон. По инструкции, в это время Миша должен был спать. Но он не спал. Он стоял посреди комнаты, смотрел на меня и улыбался. Он знал, что я хочу, чтобы он уснул. И это было для него лучшим развлечением.

Я начал укладывание. Покачивание, колыбельная, белый шум – всё как вчера. Миша не сопротивлялся, но и не засыпал. Он лежал, смотрел на меня, иногда трогал мой нос, иногда пытался вырвать волосы. Я терпел. Я ждал.

В 16:10 его глаза закрылись. Я замер. Я ждал пять минут, потом начал медленно, миллиметр за миллиметром, перекладывать его в кроватку.

И тут зазвонил телефон.

Я не успел отключить звук. Миша открыл глаза, посмотрел на меня с укоризной и заорал.

Телефон звонил. Я глянул: теща.

Я ответил, выходя из комнаты.

– Глебушка, я просто хотела уточнить: Мишенька на какой смеси? А то я купила одну, но в магазине сказали, что сейчас все переходят на другую. И ещё: он уже спит днём? А то у нас соседка говорит, что в год уже можно убирать дневной сон, но я не уверена.

– Он спит, – сказал я шёпотом. – Тихо. Давайте потом.

– А чего шёпотом? Он же спит, не услышит. Так на какой смеси?

– На той же, – я говорил шёпотом, но голос становился всё громче от отчаяния. – На которой был. Всё то же.

– А ты уверена? А то я купила Нестоген, а там написано «с 12 месяцев», но доченька говорила, что вы на Нес...

– Нес, – сказал я. – Нес. Всё, потом. Он просыпается.

Я сбросил звонок. Из комнаты уже раздавался полный надежды плач. Миша проснулся окончательно. Укладывание было сорвано.

Я закрыл лицо руками. Я сидел на полу в коридоре, а из спальни доносился детский плач, и я чувствовал, как моя способность к рациональному мышлению улетучивается с каждой секундой.

– Ты справишься, – сказал я себе. – Ты справишься.

Я встал, зашёл в спальню, взял Мишу на руки. Он плакал, но не сильно, скорее ритуально. Я прижал его к себе, начал ходить по комнате. Через десять минут он затих. Я осторожно сел в кресло. Миша лежал на мне, сопел.

Я не стал его перекладывать. Я просто сидел, чувствуя его тепло, и смотрел в потолок. За окном светало, по стеклу стучал дождь. В моей голове крутилась мысль: «Я должен что-то изменить. Я должен найти систему. Я не могу так жить».

Но потом Миша вздохнул во сне, прижался ко мне ближе, и я подумал: «А может, система не нужна. Может, нужно просто быть здесь».

Из боевого дневника:

«17:00. Противник нейтрализован сном на моём плече. Я в кресле. Ноги затекли, спина болит, правая рука онемела. Шевельнуться не могу, потому что любое движение – риск. Сижусь, как памятник самому себе. Телефон разряжен. Кофе кончился. Я один в тишине, с сопящим ребёнком на груди. И я вдруг понимаю, что это, наверное, и есть счастье. Странное, выматывающее, лишающее сна и сил, но счастье. Завтра приезжает теща. Но сегодня я справлюсь. Сегодня я – главнокомандующий этой маленькой, пахнувшей молоком и кабачком вселенной. И, кажется, я начинаю получать от этого удовольствие».

В 18:30 я услышал ключ в замке. Жена.

Она зашла, увидела нас в кресле – меня с затекшей спиной, Мишу, спящего на мне, и улыбнулась.

– Вы как? – спросила она шёпотом.

– Всё под контролем, – сказал я.

– Это у тебя на футболке пюре?

– Тактическая маскировка.

– А на стене?

– Арт-объект.

Она подошла, поцеловала меня, потом посмотрела на спящего Мишу.

– Ты молодец, – сказала она. – Правда.

Я почувствовал, как что-то тёплое разливается в груди. Не от её слов – от всего дня. От того, что я выдержал. От того, что смог. От того, что я, бывший спецназовец и топ-менеджер, оказался способен на то, о чём раньше не имел ни малейшего понятия.

– Твоя мама завтра приезжает, – сказал я.

Жена вздохнула.

– Знаю. Держись.

– Я готов, – сказал я, хотя был не готов. Но разве когда-нибудь бываешь готов к приезду тещи?

Миша вздохнул во сне, перевернулся на другой бок, и я понял, что могу наконец его переложить. Я встал, аккуратно, как сапёр, перенёс его в кроватку. На этот раз он не проснулся.

Я вернулся на кухню, налил себе кофе, сел за стол. Жена смотрела на меня с улыбкой.

– Ты изменился, – сказала она.

– За два дня?

– Да. Ты стал... мягче.

Я хмыкнул. Я не чувствовал себя мягче. Я чувствовал себя так, будто меня пропустили через мясорубку. Но где-то глубоко внутри действительно что-то изменилось. Что-то, что я не мог объяснить словами.

Я посмотрел на телефон. Новое сообщение от тещи:

«Глебушка, я купила Мишеньке новый горшок. С музыкой. Вы будете в восторге! Завтра покажу, как им пользоваться. Спокойной ночи!»

Я закрыл глаза. Завтра будет новый день. С новыми вызовами. С новыми диверсиями. С новой музыкой из горшка.

Но сегодня я выжил. И это было главным.

Из боевого дневника:

«20:15. Подведены итоги второго дня. Классификация «диверсий в подгузнике» утверждена в трёх категориях: «зеленый светфор» (незначительные потери), «желтый режим» (требуется спецодежда), «красный уровень» (полная герметизация объекта). Разработана тактика «Синий трактор» для управления приёмом пищи. Получен боевой опыт ведения переговоров с тылом (тещей) в условиях ограниченного времени. Завтра – высадка десанта. Готовлю морально-психологическое состояние. Кофе в термосе. Подгузники на складе. Я готов. Надеюсь».

Глава 4. Прибытие сил подкрепления (Теща)

Из боевого дневника Глеба:

«У тебя есть враг, с которым можно договориться. У тебя есть стихия, которой можно противостоять. Но есть силы, которые нельзя ни победить, ни игнорировать. Их можно только пережить. Запись делаю из укрытия (собственной ванной), пока силы подкрепления осваивают территорию. Моя главная тактическая ошибка: я не заблокировал входную дверь. Если выживу – опубликую мемуары под названием «Как я провёл неделю с тёщей и остался жив. Спойлер: чудо»».

Утро третьего дня началось с того, что я проснулся от собственного внутреннего ощущения: сегодня что-то случится. Это была не паранойя. Это был натренированный годами управ-

ления рисками шестой чувство, которое в бизнесе называлось «чуйка», а в армии – «предчувствие засады».

Я встал, налил кофе, проверил подгузник у Миши (сухо, первый успех дня), покормил его кашей (на этот раз без потерь, потому что я использовал тактику «двух ложек»: одну ему для игры, вторую мне для кормления). Мы даже успели поиграть в «ку-ку», и Миша три раза засмеялся, что по шкале родительского счастья равнялось примерно трём премиям по итогам года.

В 10:15 я сидел на кухне, пил второй кофе, чувствуя себя почти уверенно. Миша возился с конструктором (кидал детали в миску и вытаскивал обратно – занятие, которое могло длиться часами, к моему огромному счастью). Я уже начал строить планы на день: прогулка, обед, сон, и к вечеру я даже смогу почитать книжку, которую откладывал полгода.

В 10:30 раздался звонок в дверь.

Я замер. Звонок был неожиданным. Жена на работе, курьера я не ждал, соседи обычно предупреждали. Я подошёл к двери, посмотрел в глазок.

За дверью стояла теща.

С двумя огромными сумками, авоськой, и, кажется, с кастрюлей в руках.

Я не открыл. Я сделал шаг назад и прижался к стене, как герой боевика, который только что понял, что попал в засаду. Сердце колотилось. В голове пронеслась мысль: «Надо было заблокировать дверь. Надо было сменить замки. Надо было уехать в лес, в тайгу, на необитаемый остров».

Звонок повторился. Настойчиво.

– Глебушка, открывай! Это я!

Я посмотрел на Мишу. Миша сидел с конструктором, поднял голову, услышал знакомый голос, и его лицо озарилось радостью. Он пополз к двери со скоростью, которой я у него раньше не наблюдал.

– Ба-ба! – закричал он. – Ба-ба-ба!

Предатель.

Я открыл дверь.

– Глебушка! – теща шагнула через порог, и я физически ощутил, как давление в квартире поднялось на несколько атмосфер. – А я раньше выехала, думала, помогу вам с утра. А ты чего такой сонный? Не выспался? А Мишенька! Мой золотой!

Она опустила сумки, авоську, кастрюлю и подхватила Мишу на руки. Миша визжал от восторга, хватал её за волосы, за серёжки, тыкал пальцем в нос. Теща сияла.

Я стоял в прихожей, смотрел на сумки и пытался оценить масштаб вторжения. Сумки были огромные. В одной, судя по звуку, были банки. В другой – что-то шуршащее. Авоська содержала пакеты с продуктами. Кастрюля... я не хотел знать, что в кастрюле.

– Ты надолго? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

– На недельку, как договаривались, – теща уже прошла на кухню, осматривая территорию.

– Ой, а у вас тут бардачок. Ну ничего, я сейчас наведу порядок. Где у тебя тряпки? А Мишенька завтракал? А что он ел? Кашу? Какую? А ты ему с маслом? А фрукты? А творожок?

Вопросы сыпались, как из пулемёта. Я не успевал отвечать. Я даже не успевал понять, на какой из них отвечать первым.

– Всё нормально, – сказал я. – Мы позавтракали. Всё по режиму.

– По какому режиму? – теща открыла холодильник и начала переставлять продукты. – Ой, а у тебя тут молоко просрочено. А это что? Йогурт? Ему же нельзя йогурт! Только специальный детский. Ты что, не знаешь?

Я знал. Йогурт был мой. Но объяснять это было бесполезно.

– Это моё, – сказал я.

– А-а-а, – теща посмотрела на меня с сомнением. – Ну ладно. Но ты бы поосторожнее с молочкой, у тебя вон живот намечается. А Мишеньке я сейчас сама приготовлю. Я ему кашку с тыквой сварю. Домашнюю. А не эту химию из баночек.

Она достала из сумки тыкву. Целую тыкву. Я не знал, откуда она взяла тыкву в середине сентября, но она была. Огромная, оранжевая, угрожающая.

– Он ест баночное пюре, – сказал я. – Жена разрешила. Это проверенный бренд.

– Ой, Глебушка, – теща вздохнула с выражением «бедный наивный мальчик», – в этих баночках одна химия. Ты что, хочешь, чтобы Мишенька всю жизнь на консервах сидел? Домашняя еда – она своя, с любовью.

Я хотел возразить, что в баночках тоже есть любовь, вложенная производителем, но понял, что это будет слабый аргумент. Я решил выбрать тактику «отступление с сохранением позиций».

– Давайте попробуем, – сказал я. – Но если не понравится, вернёмся к баночному.

Теща посмотрела на меня так, будто я предложил кормить ребёнка из мусорного бака.

– Понравится, – сказала она твёрдо. – Я знаю.

Она взяла Мишу на руки, посадила в стульчик и начала чистить тыкву. Миша смотрел на процесс с интересом. Я стоял в стороне, чувствуя себя наблюдателем на собственной кухне.

Из сноски аналитика:

«Первый час пребывания тещи на территории характеризуется фазой “освоения пространства”. Она перемещает предметы, перекладывает продукты, открывает шкафы. Это не хаос, это планомерная операция по установлению контроля. Мужчина в декрете на этом этапе обычно впадает в ступор, который ошибочно принимает за спокойствие. На самом деле это защитная реакция “замри”, выработанная эволюционно при встрече с более сильным хищником».

Битва за методы кормления началась в 11:15.

Теща сварила кашу с тыквой. Каша выглядела аппетитно, пахла домашним уютом и чем-то, что я не мог идентифицировать, но что явно не входило в список ингредиентов, одобренных педиатром.

– Вот, Мишенька, кушай, – теща поднесла ложку ко рту внука.

Миша открыл рот, попробовал, скривился и выплюнул.

– Не нравится? – теща растерялась. – А может, подсластить?

Она добавила сахара. Я открыл было рот, чтобы сказать, что детям до трёх лет сахар не рекомендуют, но закрыл. Бесполезно.

Миша попробовал с сахаром, снова скривился и отвернулся.

– Дай! – потребовал он, указывая на шкаф, где лежали баночные пюре.

– Это тыква, Мишенька, вкусная, полезная, – теща пыталась снова.

Миша закричал. Он требовал баночную еду. Он знал, что она есть. Он видел, как я вчера открывал банку с индейкой и брокколи. Он хотел знакомое.

– Может, дать ему баночное? – осторожно предложил я.

– Нет, – теща была непреклонна. – Он просто капризничает. Сейчас я его уговорю.

Начались уговоры. «Ложечка за маму», «ложечка за папу», «ложечка за бабушку». Миша не ел. Он орал. Он выгибался. Он пытался вылезти из стульчика.

Я смотрел на это и чувствовал, как внутри меня нарастает напряжение. Вчера я сам проиграл битву с пюре, но сегодня я уже знал, как работает «Синий трактор». Но теща не спрашивала. Она была уверена, что знает лучше.

Через двадцать минут Миша орал так, что закладывало уши. Теща выглядела расстроенной. Я взял телефон, включил «Синий трактор» и протянул Мише. Он замолк, уставился на экран. Я открыл баночное пюре и за минуту скормил ему всё.

Теща смотрела на это с выражением, которое сложно было описать. Там была и обида, и удивление, и, кажется, уважение.

– У тебя есть свой метод, – сказала она сухо.

– Адаптивная тактика, – ответил я. – Работает.

Она кивнула. Я понял, что первый раунд остался за мной. Но война только начиналась. В 12:30 теща сказала фразу, которая стала лейтмотивом следующих дней:

– А ты ему шапочку надел?

Мы собирались на прогулку. На улице было +20, солнце, штиль. Миша был в флисовом комбинезоне (я уже научился надевать его за пять минут) и в лёгкой панаме. Теща посмотрела на него и покачала головой.

– Шапочку надо. Ветер же.

– Ветра нет, – сказал я.

– А я чувствую, что есть. У меня спина болит, значит, ветер.

Я не знал, как связаны боли в спине тещи и наличие ветра на улице, но спорить не стал. Я достал шапку. Шапка была зимняя, вязаная, с помпоном. Миша, увидев её, заорал и попытался сбежать.

– Может, панамы достаточно? – спросил я.

– Глебушка, ты что, хочешь, чтобы ребёнок простудился? У него же ушки! Маленькие, нежные! Без шапки он в два счёта отит заработает!

Я посмотрел на Мишу. Миша смотрел на меня. В его глазах читалось: «Папа, не дай ей надеть эту штуку». Я надел шапку. Миша заорал так, что, наверное, в соседнем доме услышали.

На улице, как и предполагалось, ветра не было. Миша через пять минут стянул шапку и бросил её в лужу. Теща ойкнула, подняла, отряхнула, снова надела. Миша снова стянул.

Мы гуляли сорок минут. Шапка была надета и снята восемь раз.

Из боевого дневника:

«13:15. Прогулка завершена. Основные потери: время, нервные клетки, одна шапка (упала в лужу трижды). Трофеи: опыт ведения переговоров с превосходящими силами. Выявлено ключевое оружие противника: фразы «а ты ему шапочку надел?» и «а ты уверен, что это полезно?». Формирую антихрупкий иммунитет. Принцип: кивай, делай по-своему. Главное – не спорить. Споры затягивают в позиционную войну, из которой нет выхода».

Обед стал вторым раундом.

Теща приготовила суп. Настоящий, домашний, с морковкой, луком, картошкой и мясом. Она измельчила его блендером до состояния пюре. Миша сидел в стульчике и смотрел на суп с недоверием.

– Это супчик, Мишенька, вкусный, как у бабушки, – теща поднесла ложку.

Миша попробовал. На этот раз он не выплюнул. Он прожевал, подумал и открыл рот снова.

Теща просияла. Я выдохнул. Может, и правда домашняя еда лучше? Может, я зря сопротивлялся?

Миша съел три ложки, потом заскучал и начал играть с супом. Он макал пальцы, размазывал по столу, пытался кинуть ложку. Я хотел включить «Синий трактор», но теща остановила меня:

– Не надо его отвлекать. Он должен сам научиться есть. Это педагогический прикорм.

– Педагогический прикорм? – переспросил я.

– Ну да, когда ребёнок ест вместе со взрослыми, учится, пробует. Сейчас все так делают.

Я вспомнил, что жена говорила про педагогический прикорм. Что-то о том, что это важно для развития мелкой моторики и пищевого интереса. Я тогда не придавал значения. Сейчас Миша размазывал суп по стульчику, по себе, по мне, и я начинал понимать, что педагогический прикорм – это, возможно, очень полезная вещь. Для кого-то. Не для моей футболки.

Миша закончил есть, когда суп был везде, кроме его желудка. Теща выглядела довольной: «Видишь, он проявил интерес! Это главное!». Я посмотрел на количество супа на полу, стульчике и ребёнке и решил, что у нас с тещей разные определения слова «главное».

После обеда я отнёс Мишу в ванную, отмыл от супа, переодел. Теща мыла посуду и что-то напевала. Квартира постепенно наполнялась её присутствием. Я чувствовал это каждой клеткой. Запах домашней еды, звук её голоса, её вещи в прихожей – всё говорило о том, что границы моего тыла размыты, и восстановить их будет сложно.

Миша уснул в 14:30. Я уложил его сам, без помощи тещи, чтобы показать, что я это умею. Она, правда, стояла в дверях и комментировала: «Ты его левым боком положи, он лучше спит», «Поправь одеяло, он замёрзнет», «Спой ему, я всегда пела “Спят усталые игрушки”».

Я спел «Спят усталые игрушки». Миша уснул. Я вышел из комнаты, закрыл дверь и оказался на кухне один на один с тещей.

– Присядь, Глебушка, – сказала она, указывая на стул. – Поговорим.

Я сел. Внутри всё сжалось. Это было похоже на вызов к директору школы, когда ты не знаешь, за что, но чувствуешь, что виноват.

– Я хочу понять, – начала теща, – как у вас тут всё устроено. Ты, конечно, молодец, что помогаешь. Но я вижу, что ты не всё знаешь. И это нормально. Мужчина не может знать всё про детей.

Я промолчал. Я чувствовал, что сейчас начнётся лекция.

– Во-первых, режим, – теща пододвинула ко мне листок бумаги, на котором что-то было написано её размашистым почерком. – Я составила новый распорядок дня. Смотри: подъём в 7:00, завтрак в 7:30, прогулка в 9:00, второй завтрак в 10:30, обед в 12:00, сон с 12:30 до 15:00, полдник в 15:30...

– У нас другой режим, – перебил я. – Жена составила.

– Я знаю, – теща вздохнула. – Но я вижу, что он не работает. Мишенька плохо спит днём, ест неохотно. Мой режим проверен годами. Я тебя и доченьку вырастила. И ничего, оба живые-здоровые.

Я хотел сказать, что методы воспитания за тридцать лет изменились, что сейчас есть научные исследования, рекомендации ВОЗ, педиатры с современным подходом. Но я посмотрел в её глаза. В них была не агрессия. В них была любовь к внуку и желание помочь. Она не пыталась меня уничтожить. Она просто хотела быть нужной.

– Давайте попробуем, – сказал я. – Но если Миша будет сопротивляться, мы вернёмся к старому режиму.

– Он не будет сопротивляться, – уверенно сказала теща. – Ты просто не умеешь его чувствовать. Я чувствую.

Я промолчал. Я чувствовал Мишу. Я чувствовал, что он любит баночное пюре, а не тыкву. Что он засыпает под белый шум, а не под «Спят усталые игрушки». Что он ненавидит шапки. Но теща была уверена в своей правоте, и спорить с этой уверенностью было всё равно что спорить с восходом солнца.

Из боевого дневника:

«15:00. Переговоры с превосходящими силами противника завершены. Итог: режим дня скорректирован, метод кормления изменён на «педагогический», шапка объявлена обязательным элементом экипировки при любой температуре ниже +25. Мои потери: автономия, уверенность в себе, чувство контроля над ситуацией. Мои приобретения: опыт ведения партизанской войны. Я понял главное: нельзя победить тещу в открытом бою. Её оружие – опыт, любовь и фраза «я тебя вырастила» С этим не спорят. С этим либо соглашаются, либо уходят в подполье. Я выбираю подполье».

В 16:00 Миша проснулся. Теща была рядом и встретила его с улыбкой. Миша, увидев её, снова обрадовался. Я почувствовал укол ревности. Но тут же одёрнул себя: это не соревнование. Это общая операция.

Теща предложила пойти на прогулку. Я согласился. Мы собрались. Теща надела Мише шапку. Миша заплакал. Теща сказала: «Ничего, привыкнет». Я хотел вмешаться, но вспомнил свою тактику «кивай и делай по-своему» и промолчал.

На улице Миша стянул шапку и бросил. Теща подняла, надела. Миша стянул. Мы прошли так полквартиры. Потом Миша устал бороться и оставил шапку в покое. Теща была довольна: «Видишь, привык!»

Я промолчал. Я знал, что Миша не привык. Он просто временно отступил, чтобы перегруппироваться. Но теще этого знать не обязательно.

В парке мы встретили ту же блондинку из первого дня. Она сидела на лавочке с дочкой и пила кофе.

– О, Папа-декрет снова с нами! – улыбнулась она. – А это ваша мама?

– Моя тёща, – сказал я. – Приехала помогать.

– Надолго? – спросила блондинка.

– На недельку, – ответила теща.

– Всего на неделю? – удивилась блондинка. – А я думала, вы теперь вместе будете.

Теща посмотрела на меня. Я посмотрел на тещу. Мы одновременно подумали об одном: «Ни за что». Но вслух никто ничего не сказал.

– У него отпуск, – сказала теща. – А у меня свои дела.

– Жаль, – сказала блондинка. – Вдвоём-то веселее.

Я представил себе жизнь с тещей на постоянной основе. Мысль была настолько пугающей, что я физически поёжился. Миша, заметив это, посмотрел на меня с удивлением. Я улыбнулся ему, чтобы он не волновался.

Мы погуляли час. Теща обсуждала с блондинкой методы воспитания, прививки, детские сады, школы, кружки. Я сидел на лавочке, смотрел на Мишу, который копался в песочнице, и думал о том, что этот разговор длится уже двадцать минут, а блондинка и теща всё ещё не перешли к обсуждению моих недостатков. Это было неожиданно.

Оказалось, у них была общая тема: невестки. Блондинка жаловалась на свою невестку, которая «не так кормит внука», а теща – на меня. Я слушал краем уха, но ничего конкретного не разобрал. Кажется, я был «молодцом, но немного бестолковым».

В 17:30 мы вернулись домой. Миша устал и капризничал. Теща взяла его на руки, начала укачивать и напевать. Я стоял в стороне и чувствовал себя лишним.

– Ты отдыхай, Глебушка, – сказала теща. – Я сама с ним побуду.

Я прошёл на кухню, сел, налил кофе. Сидел и слушал, как теща напевает Мише, как Миша сначала плачет, потом затихает, потом начинает сопеть. Я чувствовал облегчение. И одновременно – странную пустоту.

Я привык к Мише. За три дня я привык к его весу на руках, к его запаху, к его голосу. И сейчас, когда теща взяла всё на себя, я не знал, чем себя занять. Я мог бы почитать, посмотреть фильм, позвонить друзьям. Но мне хотелось быть там, с ними.

Я встал, подошёл к комнате, заглянул. Теща сидела в кресле, Миша спал у неё на груди. Она смотрела на него с такой любовью, что у меня защипало в глазах.

Она заметила меня, улыбнулась.

– Иди сюда, – сказала она тихо. – Посиди с нами.

Я подошёл, сел на пол рядом с креслом. Миша спал. Теща гладила его по голове. Я смотрел на них и чувствовал, как напряжение последних дней постепенно отпускает.

– Ты хороший отец, Глеб, – сказала теща. – Я знаю, ты думаешь, что я тебя критикую. Но я просто хочу помочь.

– Я знаю, – сказал я. – Просто у нас разные методы.

– Методы – это ерунда, – теща вздохнула. – Главное, чтобы Мишенька был здоров и счастлив. А ты... ты стараешься. Я вижу.

Это было неожиданно. Я ожидал продолжения битвы, а получил перемирие.

– Спасибо, – сказал я.

– Не за что, – ответила она. – Ты мой зять. Я тебя люблю. Даже когда ты надеваешь Мише панаму вместо шапки.

Я усмехнулся. Миша во сне вздохнул и перевернулся на другой бок. Теща поправила одеяло.

– Завтра я покажу тебе, как варить настоящий суп, – сказала она. – А ты покажешь мне своего «Синего трактора». Посмотрим, кто кого.

– Договорились, – сказал я.

Это был не мирный договор. Это было объявление о коалиции. Мы по-прежнему оставались на разных позициях, но у нас была общая цель: Миша. И ради этого можно было забыть о шапках, тыкве и педагогическом прикорме.

Из боевого дневника:

«19:30. Подведены итоги первого дня полномасштабного взаимодействия с силами подкрепления. Выводы: 1) открытое противостояние бесполезно и истощает ресурсы; 2) тактика «кивай и делай по-своему» работает, но требует тонкой настройки; 3) у тещи есть не только критика, но и любовь; 4) я, кажется, начинаю её понимать. Не принимаю, но понимаю. Это важный шаг к коалиции. Завтра – новый день. С новыми битвами. Но сегодня у нас есть перемирие. И это уже победа».

Вечером пришла жена. Она увидела нас на кухне: я, теща и Миша, который сидел в стульчике и ел тыквенную кашу (да, он её наконец попробовал и, кажется, даже принял). Мы пили чай. Теща рассказывала, какие мы молодцы, а я молчал и улыбался.

– Вы что, подружились? – удивилась жена.

– Мы всегда были друзьями, – сказала теща.

– Мы нашли общий язык, – сказал я.

Жена посмотрела на нас с подозрением, но ничего не сказала. Она была уставшая после работы и рада, что дома тихо и всё спокойно.

Вечером, когда Миша уснул, а теща смотрела телевизор в гостиной, я сидел на кухне и писал в дневнике. Жена подошла, обняла меня сзади.

– Ты держишься, – сказала она.

– Стараюсь.

– Мама сказала, что ты молодец.

– Не может быть.

– Правда. Сказала, что у тебя талант к детям.

Я усмехнулся. Талант к детям. Я, который три дня назад не мог открыть пюре одной рукой.

– Она просто хочет меня задобрить перед завтрашней битвой, – сказал я.

– Какая битва?

– Завтра она учит меня варить суп, а я учу её пользоваться «Синим трактором». Посмотрим, кто кого.

Жена засмеялась. Я обернулся, поцеловал её.

– Я скучаю по тебе, – сказал я.

– Я здесь, – ответила она.

– Я знаю. Но я скучаю по нам. По тому, как мы были вдвоём.

– Будет, – она прижалась ко мне. – Просто сейчас Миша маленький. И мама здесь. Но всё пройдёт.

Я кивнул. Я знал, что пройдёт. Шапки, тыква, педагогический прикорм – всё это временно. А Миша останется. И эти дни, даже самые тяжёлые, останутся с нами навсегда.

Я закрыл дневник и пошёл в гостиную. Теща смотрела какой-то сериал, Миша спал в кровати, жена разбирала почту. Я сел в кресло, закрыл глаза и подумал: «А ведь это и есть жизнь. Странная, тяжёлая, но самая настоящая».

Из боевого дневника:

«22:00. Завершение третьего дня. Вторжение сил подкрепления перешло в фазу коалиции. Общие потери: три футболки (тюре, суп, тыква), одна шапка (потеряна в парке, найдена через час), несколько нервных клеток. Общие приобретения: опыт межвидового взаимодействия, навыки ведения переговоров с использованием фразы «вы, наверное, правы», и, что важнее всего, чувство, что я не один. У нас разные методы, но общая цель. И это даёт надежду на то, что следующие шесть дней (а не неделя ли?) мы выдержим. Готовлюсь ко сну. Завтра – новый бой. Но сегодня я выиграл. Не войну. Но бой».

Глава 5. Первое боевое крещение

Из боевого дневника Глеба:

«Поликлиника – это место, где мирное население добровольно сдает свои нервы, время и здоровье в обмен на возможность услышать фразу «приходите завтра с анализами». Запись делаю после успешного выхода из окружения. Потери: одна бутылка с водой (оставлена в зоне эвакуации), полпачки влажных салфеток, самооценка. Трофеи: живой ребёнок, непрострелянная карточка, опыт ведения боя в стеснённых условиях. Если выживу – напишу учебник по тактической педиатрии».

Утро четвёртого дня началось с того, что теща, проснувшись в шесть утра, объявила:

– Сегодня идём к аллергологу. Я записала Мишеньку на десять.

Я выполз из гостевой, похожий на зомби после трёхдневного марафона. Глаза слипались, голова гудела, в ушах всё ещё звучал «Синий трактор», который я прокручивал мысленно, чтобы убаюкать себя. Теща уже была в идеальном состоянии: причёсанная, накрашенная, в наглаженной одежде. Я посмотрел на себя в зеркало – футболка в пятнах от вчерашнего супа, глаза красные, щетина трёхдневная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.